

Утро на Рождество началось очень рано, часов с семи утра уже были на ногах. Дом был большой, и каждый из нас имел свою комнату. Прислугу иметь при себе мама не любила, а приглашала её только тогда, когда в этом была необходимость. Так вот, накануне Анисья Ефимовна позвала для подготовки к празднику женщину, которая уже много лет бывала в этом доме и исполняла все просьбы, если так можно сказать, и наказы барыни. Сама Анисья Ефимовна была прекрасной хозяйкой. К ней любили заезжать по четвергам на журфиксы, которые она организовывала для родных и близких. Готовила она отменно. Куличи и пироги имели какой-то особый вкус, и запах ощущался даже на улице. Ну, поговаривали соседи, значит будет праздник или гости нагрянут. Сама же матушка выезды не приветствовала, и за ней частенько присылали извозчика, приглашая в гости. Рождество – особый праздник, поэтому за столом собиралась только её большая семья. У матушки было десять детей. Понятно, что появлялись они не сразу, в этот год, который остался в памяти навсегда, нас было пятеро. Я часто бывала рядом с мамой на кухне, и меня за это прозвали «Кулинар». В свободное время очень много читала. Вспоминаю один курьёзный случай, запечатлевшийся в ранней юности. Мы всей семьёй бывали в гостях у двоюродного брата отца и накануне Рождества нанесли визит в этот гостеприимный дом. У них была большая библиотека, и, пока не наступило время ужина, устроившись в уютном кресле, я стала читать роман, который захватил меня полностью, да так увлеклась, что вздрогнула от внезапно раздавшегося шума.

– Кто здесь?

В ответ тишина и снова шум. Посмотрела, никого. Но удары повторялись. Тогда я встала, повернулась и увидела позади кресла огромную фигуру мужчины во весь рост. Это видение повергло меня в состояние смятения и шока, но, присмотревшись, стало понятно, что это часы, которые были сделаны в образе Петра Великого и во весь его рост! Вот это да, а раньше не замечала. Позже, когда прошло много лет, не встречала и нигде не видела такие часы. Они бесследно исчезли, как и многое в последующие годы, о которых тяжело вспоминать. Но прерву свои воспоминания и вернусь в этот день – день Рождества Христова.

Наступило время обеда.

– Кого нет за столом? – подала голос Анисья Ефимовна.
– Анна ещё не пришла из гимназии, – сказал старший, Пётр.
– Но уже время, – сказала матушка. – Пойди встретить её, а то задержалась, видимо, где-то с подругой, – попросила она.

Когда Пётр стал подходить к гимназии, то увидел меня с одноклассницей Марией Грохольской.

– Анна, ты задерживаешься, а время обеда. Все уже за столом, ждут только тебя. Что-то случилось? – спросил брат.

– Пётр, не сердись, – сказала я. – Мы обсуждаем смешной случай, который произошёл на последнем уроке. – Начался «Закон Божий», и когда была переключка, то бабушка, назвав мою фамилию и Марии, попросил нас покинуть класс. – Знаешь, мы даже обрадовались и пошли гулять.

– Странно, однако, – заметил брат. – И как он объяснил своё решение, чтобы вы ушли? – спросил Пётр.

– Да просто сказал, что у нас другая вера и нам нечего тут делать.

Ещё немного пообщавшись, расстались. И мы с Петром пришли домой. Я извинилась, что заставила всех ждать.

Обед закончился, и надо было идти на кухню к матушке и её помощнице помогать готовить праздничный ужин. Младшие дети разошлись по комнатам готовиться к Рождеству. Этот праздник любили, но семья никогда не относилась к верующим. Им просто нравился этот день, когда можно было всем собраться за одним столом и получить подарки от мамы и папы. Так повелось издавна. Когда-то давно, когда дети стали подрастать, Анисья Ефимовна, собрав детей накануне Рождества, сказала: – Хотите, ходите в церковь, вам решать. Я приму любое ваше решение. – Больше никто к вопросу о вере в Бога не возвращался.

День подходил к концу. Малышам помогли красиво одеться. В большой гостиной стояла наряженная ёлка. Она пахла лесом и свечами, которых было множество, и мерцающий огонь от них отбрасывал тени на стенах, на потолке и отражался на стёклах окон, за которыми сгущались сумерки. Все были в ожидании ужина и подарков. Чего только не было наставлено на столе: булки, большая кулебяка с капустой и яйцами, круглый сдобный паштет с форшмаком, пироги с разными начинками... Но вот ужин закончился, и дети пошли опять любоваться лесной красавицей и разбирать подарки, которые втайне от малышек спрятал под ёлкой глава семейства Прокопий Родионович. Младшие, тоже вставшие в этот день очень рано, получив игрушки, книжки, сладости, с удовольствием укладывались спать в тёплые постельки в своих комнатках, которые уютно освещались праздничными лампадками. И так весело было засыпать, думая, что впереди целые две недели праздников – не надо учиться, можно целые дни играть, гулять, а по вечерам кататься с горок, наряжаться и т.д. А все старшие – Пётр, Иван, Николай, Ксения и я – после ужина играли в фанты, в жмурки, под орган танцевали кадрили, польку, вальс.

На следующий день ближе к вечеру в дом приходили ряженые. Кто-то наряжен был медведем, кто волком, кто козой, кто-то изображал юродивого. Наряжались цыганами и колдунами. Узнать никого невозможно, потому что лица у всех были закрыты. Пели, играли на гармониях, плясали, шутили. Шум, гам стоял невообразимый. В конце ряженных угощали мёдом, пирогами, орехами, пряниками, мочёными яблоками. Все были довольны.

Матушка хоть и привечала ряженых и одаривала, но в дом старалась не пускать, а встречали их на крыльце. Вот как проводили святки. Катались на лошадях и на санках с горки с соседскими ребятами. Снегу в зимние периоды было много, и он в те времена был ослепительно-чистым и сказочно красиво блестел на солнце. Между нашим садом и усадьбами соседей Гороховских и Сафроновых нас разделяла лишь тропинка. Далее от неё был спуск, который вёл к реке. Проживающие на этой улице спускались, чтобы постирать бельё. Да, так было в те годы, и в связи с этим мне вспомнился ещё один случай из моей жизни. Это произошло также перед Рождеством. Мне всегда больше всех надо было. Матушка пригласила домработницу заняться стиркой. Ну, как тут без меня!

– Мама, можно я пойду с Матрёной на реку, помогу ей и заодно прогуляюсь? Подогнали извозчика. Всё погрузили и поехали. Был лёгкий морозец, конец октября, светило солнце. Приехали. Помощница занялась делом, я решила ей помогать. В какой-то момент не удержавшись на мосточке, я подскользнулась и упала в воду. Она испугалась больше меня и стала кричать:

– Ой, Господи, помогите, барышня тонет! Что же делать?! Кошмар, помилуй, Господи, барыня меня убьёт...

Услышали, кто был неподалёку, спасли. Плавать я не умела, да и вода была ледяная. Эта история вылилась позднее в тяжёлое заболевание с ногами, и предстояла ампутация. Моя мама даже мысли не допускала об операции. Она нашла какого-то знахаря, который и спас мою ногу. Так этот случай со стиркой остался в моей памяти. Впоследствии матушка никого и никогда больше не отпускала на реку.

Одна радость была у нас, кто жил недалеко от реки. Она зимой была скована льдом и к ней вела дорога. Мы брали санки и с визгом и хохотом, опережая друг друга, неслись с горки. То-то весело было кататься с неё, хотя страшно и хорошо. Веселью и смеху не было конца... Так проходила первая неделя после Рождества.

Так было всегда и во все те годы – годы детства и юности.

Все росли в тепле, уюте и достатке. Глава семьи служил в суде, работая архивариусом, а матушка в основном занималась детьми и домом.

Всё было хорошо, пока в стране не случилось то, что навсегда перечеркнуло привычные устои общества и его уклад.